Певец декаданса

Шестьдесят лет назад в СССР из эмиграции вернулся Александр Вертинский

«Пел по-русски, и за это неплохо платили»

У нас дома был нотный сборник. Его основу составляли старательно подобранные и скрепленные общим переплетом листы и тонкие тетрадки с изображениями Александра Вертинского, певца популярного как перед революцией, так и в первые годы советской власти.

Впрочем, к новой власти он не имел тогда никакого отношения. В России не остался. Уехал. Странствовал по свету.

— Какие языки вы знаете? — спрашивали у него.

— Русский, — гордо отвечал Александр Николаевич. И после короткой паузы добавлял: — И французский... немного.

— Как же вы концертировали?

— Я пел по-русски, и мне за это неплохо платили...

А платили, кажется, и впрямь неплохо. Во всяком случае, когда мы впервые вместе вошли на территорию Ялтинской киностудии и перед нами открылся белый дом ее бывшего владельца Хонжонкова, Вертинский, приостановившись, заметил:

— Я бы купил этот дом... если бы разрешили.

Но это было уже в 1952 году. А начать хочется «из-за такта».

В начале 30-х Москву захлестнула танцевальная волна. «Я живу в озвученной квартире, там живут труба и саксофон, громкоговорителя четыре и за каждой дверью — патефон», — ерничая, разносила по стране радиостанция имени Коминтерна.

В народе говорили, будто наш песенный «первый красный офицер», нарком обороны Клим Ворошилов — голубоглазый кумир фабричных девчат в кумачовых косынках, — находясь за границей в Турции, был приглашен какой-то знатной дамой на танец, но, выражаясь армейским языком, показал себя «рядовым необученным». Именно этот дипломатический конфуз побудил патриотически настроенную советскую буржуазию резво кинуться на защиту государственного престижа.

Столичное общество дружно овладевало фокстротом, танго, румбой и вальсом-бостоном. Покупали пластинки в торгсине, танцевали под тапера... Но самыми желанными для домашних танцулек были завезенные в страну с редчайшими оказиями пластинки русских эмигрантов.

Лещенко и Вертинский в общем музыкальном потоке тех лет были особой статьей. Но роли их в наших вечеринках оказались совсем не одинаковыми. Под Лещенко танцевали. Его примитивные, я бы даже сказал пошловатые залихватские песни были нашему молодому обществу гораздо ближе и приемлемей.

А Вертинского нужно было только слушать. Вертинский пел о «розовом море», о «бананово-лимонном Сингапуре», «желтом ангеле». Он был отзвуком навсегда ушедшего времени, отголоском мира, никогда нами не виданного. Да и сам голос его, ни на кого не похожий, странный, грассирующий, казалось, долетал до нас не сквозь шипение заезженной пластинки, а сквозь шуршание прибрежной гальки, запах «пенных кружев» и ладана.

Именно в эту пору уже не родительских, а наших собственных танцевальных вечеринок, то есть в конце тридцатых годов, из глубин дедовской квартиры, из недр ее «культурного слоя» каким-то таинственным образом выплыл на поверхность объемистый и большеформатный сборник нот, собранных мамой еще до замужества. Ноты Вертинского иллюстрировались портретами запудренного лица под круглой шапочкой с нарисованными на лбу черными треугольниками нарочито изломанных бровей, с нервными тонкими кистями рук, поднесенными к накрашенному рту.

То были коронные песни доотъездного артиста: «Ваши пальцы пахнут ладаном», «Маленький креольчик», «Под солнечным маем», «Лиловый негр», «Минуточка»... И разве можно было предположить, что мне когда-нибудь доведется слушать байки из уст того, кто пел: «Ну скажите, зачем и кому это нужно?..»

Возвращенец

Впервые я подумал о певце как о реальном современнике, услышав на фронте новость, что Вертинский вернулся из эмиграции. Из легенды он сделал шаг в реальность. Стал соотечественником.

А потом, уже после войны — году в 47-м или 48-м, — мой брат, работавший на радио, притащил домой записанную на магнитную пленку передачу Вертинского, прошедшую в эфир «Для советских граждан, находящихся за рубежом на правах перемещенных

лиц и подлежащих репатриации».

«Со времени моего возвращения на родину, — говорил артист, — мое имя стали использовать недоброжелатели и враги, чтобы сообщать всякие сенсационные выдумки. Так, по сообщению некоторых информационных агентств, я был арестован НКВД сразу при переезде границы и умер где-то в Магадане. Одна французская газета сообщила, что меня видели в Москве перед Моссоветом, где я торговал газетами. Так вот, мое сегодняшнее выступление опровергает первую ложь, а что касается второй — у нас нет больше мальчишек-газетчиков. Для торговли в Москве построены специальные киоски «Союзпечати»... А что же на самом деле? Что есть? Советское правительство предоставило мне современную квартиру со всеми удобствами на улице Горького, бывшей Тверской, подарило рояль «Бехштейн», чтобы я мог заниматься...»

Встреча с живым Вертинским

После сорокапятиминутной речи шел большой концерт, часа на полтора. И начинался он песней «О вас и о Родине». «Проплываем океаны, бороздим материки и несем в чужие страны чувство русское тоски. И никак понять не можем, что в сочувствии чужом только раны мы тревожим, а покоя не найдем. И давно пора признаться, что о Родине вам лгут, что довольно унижаться, что с врагами не живут, что домой пора вернуться и к родной земле припасть, чтоб в слезах не захлебнуться, чтобы в бездну не упасть. И что мать одну в дорогу сын не должен отпускать, что идти с ней надо в ногу, крепко под руку держать. А она вас так же любит, так же помнит вас и ждет, и простит, и приголубит, и согреет, и спасет!» Следом шли другие песни — старые и новые. Магнитофонная запись разом извлекла давнего Пьеро из фантазий довоенного отрочества и переместила его в современную нам Москву.

А потом в нашей жизни наступили годы жесткой борьбы с космополитизмом и формализмом в искусстве. Идеологический гребень решительно прошелся по театру и кино, не оставив в репертуаре места никому, кто не соответствовал бы расхожим типовым образцам положительного героя. Но вот в 1952 году мне подвернулась случайная возможность немного подработать на «Мосфильме». Гример-художник Михаил Сергеевич Чикирев — добрая душа — порекомендовал меня в съемочную группу С. И. Юткевича. А мастер приступал тогда к съемкам советско-албанского художественного фильма.

Главная трудность была в поисках исполнителя заглавной роли. Албанский лидер тех лет Энвер Ходжа, будучи гостем XIX съезда КПСС в Москве, просил взяться за роль Скандербега прославленного Николая Черкасова, но Николай Константинович, сославшись на здоровье, отказался играть вождя и воина на коне с мечом в руках. Делать было нечего. Стали искать и выбирать.

И вот как-то, сидя на студии и листая злосчастный альбом, натыкаюсь на новую фотографию. Яркое, но странное лицо — не то какая-то старуха, не то иезуит-инквизитор. Волосы скрыты плотной круглой шапочкой, надвинутой на лоб. Ниже — глаза, светлые, безбровые (брови убраны гримом), почти змеиные. Породистый нос с небольшой горбинкой, тонкие губы и подбородок словно парят над высокой, жилистой, в кожных складках шеей. Свободный воротник не то сутаны, не то мантии обнимает ее, как основание, из которого растет грибная ножка.

А под фотографией аккуратная подпись рукой помрежа Раузы: «Александр Вертинский — великий дож Венеции».

«Я жил с женой французского министра»

Это было невероятно! Предстояло близко наблюдать того самого Пьеро из маминых юношеских нот, слушать рассказы из того далекого далека, скрытого шорохом граммофонных пластинок!

Несколько дней спустя в большой общей комнате съемочной группы фильма «Георгий Скандербег, великий воин Албании» Александр Николаевич Вертинский, живой и вполне реальный, с видимым удовольствием занимал расположившихся вокруг слушателей любопытными историями на тему собственных отношений с кино и с режиссерами.

«Этот старый дурак Довженко, — эпатируя аудиторию, говорил Вертинский, — пригласил меня в фильм «Дипломат» на роль одного французского министра. И спрашивает, каким я его себе представляю. Ну, я рассказываю. «Нет, — говорит Довженко, — он был другим». Я говорю тогда: «Что вы мне морочите голову? Я его прекрасно знаю. Я с его женой жил».

Слушая рассказы Александра Николаевича, приходилось постоянно удивляться тому, что он сохранил по-детски наивное хвастовство. Не тщеславие, боже упаси!

Отснявшись в первом эпизоде, он доверительно спросил: «Ну кто еще мог бы так сыграть венецианского дожа?»

Однажды с достоинством объяснял, почему в каком-то фильме не он, а Названов получил, казалось бы, для Вертинского созданную роль русского белоэмигранта. «Там надо было петь в ресторане у столиков, и в ЦК сказали: «Это неудобно, Вертинский — лауреат Сталинской премии. Ему не к лицу выступать в такой роли». Причем надо было слышать, как многозначительно произносилось это «ЦК»! И сколько торжественности несла интонация рассказчика в звании «лауреат»...

Очень любил наш герой представительниц прекрасного пола. Если в поле его зрения попадала незнакомка, холодные глаза артиста начинали фосфоресцировать, складчатая шея вытягивалась, голова поднималась на ней, как телескопическая антенна. И победы свои на этом фронте Александр Николаевич любил вспоминать. Однако, будучи человеком благородным, никогда не называл имен. Только однажды я услышал, что знаменитая песня про гордое имя Ирэн относилась к дочери Пилсудского, за что певец был немедленно выдворен из Польши, едва лишь посмел спеть свое признание в концерте. Но об этой истории довелось услышать не от Вертинского, а совсем со стороны.

Однажды он позабавил благодарных слушателей таким откровением: «Появилась у меня поклонница. Совсем юная. Бегает на концерты. Покупает цветы. Я узнал: живет с матерью без отца. Помогает какой-то дядя. Я сказал: «Деточка, я запрещаю вам покупать мне цветы. Купите лучше себе калоши!» А тут собрался в ВГКО на Неглинную, остановился на перекрестке и вижу: она стоит поодаль и смотрит на меня как завороженная. Я говорю: «Деточка, что вы на меня так смотрите?» А она: «Я без вас жить не могу».

Видя, что рассказчик ждет одобрения, кто-то услужливо подает реплику: «А почему бы вам не пойти девочке навстречу?»

«Где? — немедленно откликается Вертинский. — Наши отели для этого не приспособлены, а на лестничной площадке... Сейчас уже, увы, не тот возраст». И как бы завершая беседу в легком жанре, перешел к элегии: «И зачем она мне нужна?.. Я знал таких женщин, что теперь это кажется сказкой...»

Вертинского как бы окутывал ореол принадлежности к далекому, закрытому от нас миру. Както Александр Николаевич Вертинский пообещал: «Когда я постарею, я напишу книгу». Он написал ее. Но кроме изданных мемуаров, книга выдающегося поэта и певца — это звучащие альбомы его пластинок. Да и многие рисуют этого своеобразного талантливого человека страничками собственных воспоминаний. Я был бы горд, если б кто-то и эти записки отнес к той книге.

Черный Пьеро из недр «культурного слоя» дореволюционной России

Владимир Меерзон.

Вертинский Александр

6.08.2003